

Стихотворения (ПСС-2). Михаил Юрьевич Лермонтов [Lermontovmikhail.ru](http://lermontovmikhail.ru)
Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> приятного чтения!

Стихотворения (ПСС-2). Михаил Юрьевич Лермонтов

ТАМБОВСКАЯ КАЗНАЧЕЙША

Играй, да не отыгрывайся.

Пословица

Посвящение

Пускай слыву я старовером,

Мне все равно – я даже рад:

Пишу Онегина размером;

Пою, друзья, на старый лад.

Прошу послушать эту сказку!

Ее нежданную развязку

Одобрите, быть может, вы

Склоненьем легким головы.

Обычай древний наблюдая,

Мы благодетельным вином

Стихи негладкие запьем,

И пробегут они, хромя,

За мирною своей семьей

К реке забвенья на покой.

Тамбов на карте генеральной

Кружком означен не всегда;

Он прежде город был опальный,

Теперь же, право, хоть куда.

Там есть три улицы прямые,

И фонари, и мостовые,

Там два трактира есть, один

"Московский", а другой "Берлин".

Там есть еще четыре будки,

При них два будочника есть;

По форме отдают вам честь,

И смена им два раза в сутки;

Короче, славный городок.

Но скука, скука, боже правый,

Гостит и там, как над Невою,
Поит вас пресною отравой,
Ласкает черствою рукой.
И там есть чопорные франты,
Неумолимые педанты,
И там нет средства от глупцов
И музыкальных вечеров;
И там есть дамы-просто чудо!
Дианы строгие в чепцах,
С отказом вечным на устах.
При них нельзя подумать худо:
В глазах греховное прочтут
И вас осудят, проклянут.

ш

Вдруг оживился круг дворянский;
Губернских дев нельзя узнать;
Пришло известье: полк уланский
В Тамбове будет зимовать.
Уланы, ах! такие хваты...
Полковник, верно, неженатый
А уж бригадный генерал
Конечно даст блестящий бал.
У матушек сверкнули взоры;
Зато, несносные купцы,
Неумолимые отцы
Пришли в раздумье: сабли, шпоры
Беда для крашенных полов...
Так волновался весь Тамбов.

IV

И вот однажды утром рано,
В час лучший девственного сна,
Когда сквозь пелену тумана
Едва проглядывает Цна,
Когда лишь куполы собора

Роскошно золотит Аврора
И, тишины известный враг,
Еще безмолвствовал кабак,
Уланы справа по шести
Вступили в город; музыканты,
Дремля на лошадях своих,
Играли марш из "Двух слепых".
Услыша ласковое ржанье
Желанных вороных коней,
Чье сердце, полное вниманья,
Тут не запрыгало сильнее?
Забыта жаркая перина...
"Малашка, дура, Катерина,
Скорее туфли и платок!
Да где Иван? какой мешок!
Два года ставни отворяют..."
Вот ставни настезь. Целый дом
Трет стекла тусклые сукном
И любопытно пробегают
Глаза опухшие девиц
Ряды суровых, пыльных лиц.
ТІ
"Ах, посмотри сюда, кузина,
Вот этот!"-"Где? майор?"-"О, нет
Как он хорош, а конь - картина,
Да жаль, он, кажется, корнет...
Как ловко, смело избочился...
Поверишь ли, он мне приснился...
Я после не могла уснуть..."
И тут девическая грудь
Косынку тихо поднимает -
И разыгравшейся мечтой
Слегка темнится взор живой.
Но полк прошел. За ним мелькает

Толпа мальчишек городских,
Немытых, шумных и босых.

VII

Против гостиницы "Московской?
Притона буйных усачей,
Жил некто господин Бобковской,
Губернский старый казначей.
Давно был дом его построен;
Хотя невзрачен, но спокоен;
Меж двух облупленных колонн
Держался кое-как балкон.
На кровле треснувшие доски
Зеленым мохом поросли;
Зато пред окнами цвели
четыре стриженных березки
Взамен гардин и пышных стор,
Невинной роскоши убор.
Хозяин был старик угрюмый
С огромной лысой головой.
От юных лет с казенной суммой
Он жил как с собственной казной.
В пучинах сумрачных расчета
Блуждать была ему охота,
И потому он был игрок
(Его единственный порок).
Любил налево и направо

25

Он в зимний вечер прометнуть,
Четвертый куш перечеркнуть,
Рутеркой понтирнуть со славой,
И талью скверную порой
Запить цимлянского струей.

IX

Он был врагом трудов полезных,

Трибун тамбовских удалцов,
Гроза всех матушек уездных
И воспитатель их сынков.
Его крапленые колоды
Не раз невинные доходы
С индеек, масла и овса
Вдруг пожирали в полчаса.
Губернский врач, судья, исправник
Таков его всегдашний круг;
Последний был делец и друг
И за столом такой забавник,
Что казначейша иногда
Сгорит, бывало, от стыда.
Я не поведал вам, читатель,
Что казначей мой был женат.
Благословил его создатель,
Послав ему в супруге клад.
Ее ценил он тысяч во сто,
Хотя держал довольно просто
И не выписывал чепцов
Ей из столичных городов.
Предав ей таинства науки,
Как бросить вздох иль томный взор,
Чтоб легче влюбчивый понтер
Не разглядел проворной штуки,
Меж тем' догадливый старик
С глаз не спускал ее на миг.

26

XI

И впрямь Авдотья Николавна
Была прелакомый кусок.
Идет, бывало, гордо, плавно
Чуть тронет землю башмачок;
В Тамбове не запомнят люди

Такой высокой, полной груди:
Бела как сахар, так нежна,
Что жилка каждая видна.
Казалось, для нежной страсти
Она родилась. А глаза...
Ну что такое бирюза? Что небо?
Впрочем, я отчасти
Поклонник голубых очей
И не гожусь в число судей.

XII

А этот носик! эти губки,
Два свежих розовых листка!
А перламутровые зубки,
А голос сладкий как мечта!
Она картавя говорила,
Нечисто "р" произносила;
Но этот маленький порок
Кто извинить бы в ней не мог?
Любил трепать ее ланиты,
Разнежась, старый казначей.
Как жаль, что не было детей
У них! - - - - -

Для большей ясности романа
Здесь объявить мне вам пора,
Что страстно влюблена в улана
Была одна ее сестра.
Она, как должно, тайну эту
Открыла Дуне по секрету.
Вам не случилось двух сестер
Замужних слышать разговор?
О чем тут, боже справедливый,
Не судят милые уста!
О русских нравов простота!
Я, право, человек нелживый

А из-за ширмов раза два
Такие слышал я слова...

XI?

Итак, тамбовская красotka
Ценить умела уж усы
что -ж? знание ее сгубило!
Один улан, повеса милый
(Я вместе часто с ним бывал),
В трактире номер занимал
Окно в окно с ее уборной.
Он был мужчина в тридцать лет;
Штаб-ротмистр, строен как корнет;
Взор пылкий, ус довольно черный:
Короче, идеал девиц,
Одно из славных русских лиц.

XV

Он все отцовское именье
Еще корнетом прокутил;
С тех пор дарами провиденья,
Как птица божия, он жил.
Он спать, лежать привык; не ведать,
Чем будет завтра пообедать.
Шатаюсь по Руси кругом,
То на курьерских, то верхом,
То полупьяным ремонтером,
То волокитой отпускным,
Привык он к случаям таким,
Что я бы сам почел их вздором,
Когда бы все его слова
Хоть тень имели хвастовства.

28

XVI

Страстьми земными не смущаем,
Он не терялся никогда.

Бывало, в деле, под картечью
Всех рассмешит надутой речью,
Гримасой, фарсой площадной
Иль неподдельной остротой.
Шутя однажды после спора
Всадил он другу пулю в лоб;
Шутя и сам он лег бы в гроб
Порой незлобен как дитя,
Был добр и честен, но шутя.

ХУН

Он не был тем, что волокитой
У нас привыкли называть;
Он не ходил тропой избитой,
Свой путь умея пролагать;
Не делал страстных изъяснений,
Не становился на колени;
А несмотря на то, друзья,
Счастливей был, чем вы и я.
Таков-то был штаб-ротмистр Гарин:
По крайней мере мой портрет
Был схож тому назад пять лет.

ХТШ

Спешил о редкостях Тамбова
Он у трактирщика узнать.
Узнал немало он смешного
Интриг секретных шесть иль пять,
Узнал, невесты как богаты,
Где свахи водятся иль сваты;

29

Но занял более всего
Мысль беспокойную его
Рассказ о молодой соседке.
"Бедняжка! - думает улан,
Такой безжизненный болван

Имеет право в этой клетке
Тебя стеречь – и я, злодей,
Не тронусь участью твоей?"

XIX

К окну поспешно он садится,
Надев персидский архалук;
В устах его едва дымится
Узорный бисерный чубук.
На кудри мягкие надета
Ермолка вишневого цвета
С каймой и кистью золотой,
Дар молдаванки молодой.
Сидит и смотрит он прилежно...
Вот, промелькнувши как во мгле,
Обрисовался на стекле
Головки милой профиль нежный;
Вот будто стукнуло окно...
Вот открывается оно.

XX

Еще безмолвен город сонный:
На окнах блещет утра свет;
Еще по улице мощеной
Не раздаётся стук карет...
Что ж казначейшу молодую
Так рано подняло? Какую
Назвать причину поверней?
Уж не бессонница ль у ней?
На ручку опершись головкой,
Она вздыхает, а в руке
Чулок; но дело не в чулке
Заняться этим нам неловко...
И если правду уж сказать
Ну кстати ль было б ей вязать?

30

XXI

Сначала взор ее прелестный
Бродил по синим небесам,
Потом склонился к поднебесной
И вдруг... какой позор и срам!
Напротив, у окна трактира,
Сидит мужчина без мундира.
Скорей, штаб-ротмистр! ваш сюртук!
И поделом... окошко стук...
И скрылось милое виденье.
Конечно, добрые друзья,
Такая грустная статья
На вас навеяла б смущенье;
Но я отдам улану честь
Он молвил: "что ж? начало есть".

XXII

Два дня окно не отворялось.
Он терпелив. На третий день
На стеклах снова показалась
Ее пленительная тень;
Тихонько рама заскрипела.
Она с чулком к окну подсела.
Но опытный заметил взгляд
Ее заботливый наряд.
Своей удачею довольный,
Он встал и вышел со двора
И не вернулся до утра.
Потом, хоть было очень больно,
Собрав запас душевных сил,
Три дня к окну не подходил.

XXIII

Но эта маленькая ссора
Имела участь нежных ссор:
Меж них завелся очень скоро

Немой, но внятный разговор.

Язык любви, язык чудесный,

Одной лишь юности известный,

31

Кому, кто раз хоть был любим,

Не стал ты языком родным?

В минуту страстного волненья

Кому хоть раз ты не помог

Близ милых уст, у милых ног?

Кого под игом принужденья,

В толпе завистливой и злой,

Не спас ты, чудный и живой?

XXIV

Скажу короче: в две недели

Наш Гарин твердо мог узнать,

Когда она встает с постели,

Пьет с мужем чай, идет гулять.

Отправится ль она к обедне

Он в церкви, верно, не последний;

К сырой колонне прислонясь,

Стоит все время не крестясь.

Лучом краснеющей лампы

Его лицо озарено:

Как мрачно, холодно оно!

А испытующие взгляды

То вдруг померкнут, то блещут

Проникнуть в грудь ее хотят.

XXV

Давно разрешено сомненье,

Что любопытен нежный пол.

Улан большое впечатленье

На казначейшу произвел

Своею странностью. Конечно,

Не надо было б мысли грешной

Дорогу в сердце пролагать,
Ее бояться и ласкать!
Жизнь без любви такая скверность!
А что, скажите, за предмет
Для страсти муж, который сед?

32

С)

XXVI

Но время шло. "Пора к развязке!
Так говорил любовник мой.
Вздыхают молча только в сказке,
А я не сказочный герой".
Раз входит, кланяясь пренизко,
Лакей. "Что это?"-"Вот-с записка;
Вам барин кланяться велел-с;
Сам не приехал - много дел-с;
Да приказал вас звать к обеду,
А вечерком потанцевать.
Он сам изволил так сказать".
"Ступай скажи, что я приеду".
И в три часа, надев колет,
Летит штаб-ротмистр на обед.

XXVII

Амфитрион был предводитель
И в день рождения жены,
Порядка ревностный блюститель,
Созвал губернские чины
И целый полк. Хотя бригадный
Заставил ждать себя изрядно
И после целый день зевал,
Но праздник в том не потерял.
Он был устроен очень мило:
В огромных вазах по столам
Стояли яблоки для дам;

А для мужчин в буфете было
Еще с утра принесено
В больших трех ящиках вино.

ххvго

Вперед под ручку с генеральшей
Пошел хозяин. Вот за стол
Уселся от мужчин подальше
Прекрасный, но стыдливый пол
И дружно загремел с балкона,
Средь утешительного звона

33

Тарелок, ложек и ножей,
Весь хор уланских трубачей:
Обычай древний, но прекрасный;
Он возбуждает аппетит,
Порою кстати заглушит
Меж двух соседей говор страстный
Но в паше время решено,
Что все старинное смешно.
Родов, обычаев боярских
Теперь и следу не ищи,
И только на пирах гусарских
Гремят, как прежде, трубачи.
О, скоро ль мне придется снова
Сидеть среди кружка родного
С бокалом влаги золотой
При звуках песни, полковой!
И скоро ль ментиков червонных
Приветный блеск увижу я,
В тот серый час, когда заря
На строй гусаров полусонных
И на бивак их у леска
Бросает луч исподтишка!

ххх

С Авдотьей Николавной рядом
Сидел штаб-ротмистр удалой
Впился в нее упрямым взглядом,
Крутя усы одной рукой.
Он видел, как в ней сердце билось.
И вдруг-не знаю, как случилось,
Ноги ее иль башмачка
Коснулся шпорой он слегка.
Тут начались извиненья
И завязался разговор;
Два комплимента, нежный взор
И уж дошло до изъясненья...
Да, да - как честный офицер!
Но казначейша - не пример.

XXXI

Она, в ответ на нежный шепот,
Н-гмой восторг спеша сокрыть,
Невинной дружбы тяжкий опыт
Ему решилась предложить
Таков обычай деревенский!
Помучить - способ самый женский.
Но уж давно известна нам
Любовь друзей и дружба дам!
Какое адское мученье
Сидеть весь вечер tete-a-tete
С красавицей в осьмнадцать лет

XXXII

Вообще я мог в году последнем
В девицах наших городских
Заметить страсть к воздушным бредням
И мистицизму. Бойтесь их!
Такая мудрая супруга,
В часы любовного досуга,
Вам вдруг захочет доказать,

Что два и три совсем не пять;
Иль вместо пламенных лобзаний
Магнетизировать начнет
И счастлив муж, коли заснет!..
Плоды подобных замечаний,
Конечно б, мог не ведать мир,
Но польза, польза мой кумир.

XXXIII

Я бал описывать не стану,
Хоть это был блестящий бал.
Весь вечер моему улану
Амур прилежно помогал.

Увы - - - - -

Не веруют амуру ныне;

35

Забыт любви волшебный царь;
Давно остыл его алтарь!
Но за столичным просвещеньем
Провинциалы не спешат;

XXXIV

И сердце Дуни покорилося;
Его сковал могучий взор...
Ей дома целу ночь все снилось
Бряцанье сабли или шпор.
Поутру, встав часу в девятом,
Садится в шлафоре измятом
Она за вечную канву
Все тот же сон и наяву.
По службе занят муж ревнивый,
Она одна-разгул мечтам!
Вдруг дверью стукнули.
"Кто там? Андрюшка!
Ах, тюлень ленивый!.."
Вот чей-то шаг - и перед ней

явился... только не Андрей.

XXXТ

Вы отгадаете, конечно, .
Кто этот гость неожиданный был.
Немного, может быть, поспешно
Любовник смелый поступил;
Но, впрочем, взявши в рассмотрение
Его минувшее терпенье
И рассудив, легко поймешь,
Зачем рискует молодежь.
Кивнув легонько головою,
Он к Дуне молча подошел
И на лицо ее навел
Взор, отуманенный тоскою;
Потом стал длинный ус крутить,
Вздыхнул и начал говорить:

36

XXXVI

"Я вижу, вы меня не ждали
Прочесть легко из ваших глаз;
Ах, вы еще не испытали,
Что в страсти значит день, что час!
Среди сердечного волненья
Нет сил, нет власти, нет терпенья!
Я здесь - на все решился я...
Тебе я предан... ты моя!
Ни мелочные толки света,
Ничто, ничто не страшно мне;
Презренье светской болтовне
Иль я умру от пистолета...
О, не пугайся, не дрожи;
Ведь я любим - скажи, скажи!.."

XXXVII

И взор его притворно скромный,

Склоняясь к ней, то угасал,
То, разгораясь страстью томной,
Огнем сверкающим пылал.
Бледна, в смущенье оставалась
Она пред ним... Ему казалось,
Что чрез минуту для него
Любви наступит торжество...
Как вдруг внезапный и невольный
Стыд овладел ее душой
И, вспыхнув вся, она рукой
Толкнула прочь его: "Довольно,
Молчите - слышать не хочу!
Оставьте ль? я закричу!.."

XXXV Ш

Он смотрит: это не притворство,
Не штуки - как ни говори,
А просто женское упорство,
Капризы - черт их побери!
И вот-о, верх всех унижений!
Штаб-ротмистр преклонил колени

37

И молит жалобно; как вдруг
Дверь настезь - и в дверях супруг,
Красотка: "Ах!" Они взглянули
Друг другу сумрачно в глаза;
Но молча разнеслась гроза,
И Гарин вышел. Дома пули
И пистолеты снарядил,
Присел - и трубку закурил.

XXXIX

И через час ему приносит
Записку грязную лакей.
Что это? чудо! нынче просит
К себе на вистик казначей,

Он именинник – будут гости...
От удивления и злости
Чуть не задохся наш герой.
Уж не обман ли тут какой?
Весь день проводит он в волненье.
Настал и вечер наконец.
Глядит в окно: каков хитрец
Дом полон, что за освещение!
А все засунуть – или нет?
В карман на случай пистолет.
XL

Он входит в дом. Его встречает
Она сама, потупя взор.
Вздых полновесный прерывает .
Едва начатый разговор.
О сцене утренней ни слова.
Они друг другу чужды снова.
Он о погоде говорит;
Она "да-с, нет-с" – и замолчит.
Измучен тайною досадой,
Идет он дальше в кабинет...
Но здесь спешить нам нужды нет,
Притом спешить нигде не надо.
Итак, позвольте отдохнуть,
А там dokonчим как-нибудь.

38

XLI
Я жить спешил в былые годы,
Искал волнений и тревог,
Законы мудрые природы
Я безрассудно пренебрег.
Что ж вышло? Право, смех и жалость!
Сковала душу мне усталость,
А сожаленье день и ночь

Твердит о прошлом. Чем помочь?
Назад не возвратят усилия.
Так в клетке молодой орел,
Глядя на горы и на дол,
Напрасно не подьмет крылья
Кровавой пищи не клюет,
Сидит, молчит и смерти ждет.
хьп

Ужель исчез ты, возраст милый,
Когда все сердце говорит,
и бьется сердце с дивной силой,
и мысль восторгами кипит?
Не все ж томиться бесполезно
Орлу за клеткою железной:
Он свой воздушный прежний путь
Еще найдет когда-нибудь, .
Туда, где снегом и туманом
Одеты темные скалы,
Где гнезда вьют одни орлы,
Где тучи бродят караваном!
Там можно крылья развернуть
На вольный и роскошный путь!

XLIII

Но есть всему конец на свете,
И даже выпреним мечтам.
Ну, к делу. Гарин в кабинете.
О чудеса! Хозяин сам
Его встречает с восхищеньем,
Сажает, потчует вареньем,

39

Несет шампанского стакан.
"Иуда!"-мыслит мой улан.
Толпа гостей теснилась шумно
Вокруг зеленого стола;

Игра уж дельная была,
и банк притом благоразумный.
Его держал сам казначей
для облегчения друзей.
И так как господин Бобковский
Великим делом занят сам,
То здесь блестящий круг тамбовский
Позвольте мне представить вам.
Во-первых, господин советник,
Блюститель нравов, мирный сплетник,
А вот уездный предводитель,
Весь спрятан в галстук, фрак до пят,
Дискант, усы и мутный взгляд.
А вот, спокойствия рачитель,
Сидит и сам исправник – но
Об нем уж я сказал давно.

XLT

Вот, в полуфрачке, раздушенный,
Времен новейших Митрофан,
Нетесанный, недоученный,
А уж безнравственный болван.
Доверье полное имея
К игре- и знанью казначея,
Он понтирует, как велят,
И этой чести очень рад.
Еще тут были...но довольно,
Читатель милый, будет с вас.
И так несвязный мой рассказ,
Перу покорствуя невольно
И своенравию чернил,
Бог знает чем я испестрил.

40

XJLYI

Пошла игра. Один, бледнея,

Рвал карты, вскрикивал; другой,
Поверить проигрыш не смея,
Сидел с поникшей головой.
Иные, при удачной талье,
Стаканы шумно наливали
И чокались. Но банкOMET
Был нем и мрачен. Хладный пот
По гладкой лысине струился.
Он все проигрывал дотла.
В ушах его "дана", "взяла"
Так и звучали. Он взбесился
И проиграл свой старый дом
И все, что в нем или при нем.

XLVIII

Он проиграл коляску, дрожки,
Трех лошадей, два хомута,
Всю мебель, женины сережки,
Короче – все, все дочиста.
Отчаянья и злости полный,
Сидел он бледный и безмолвный.
Уж было за полночь. Треща,
Одна погасла уж свеча.
Свет утра синевато-бледный
Вдоль по туманным небесам
Скользил. Уж многим игрокам
Сон прогулять казалось вредно,
Как вдруг, очнувшись, казначей
Вниманья просит у гостей.

XLIX

И просит важно позволенья
Лишь талью прометнуть одну,
Но с тем, чтоб отыграть именье
Иль "проиграть уж и жену".
О страх! о ужас! о злодейство!

И как доньне казначейство

41

Еще терпеть его могло!
Всех будто варом обожгло.
Улан один прехладнокровно
К нему подходит. "Очень рад,
Он говорит, - пускай шумят;
Мы дело кончим полюбовно,
Но только чур не плутовать
Иначе вам несдобровать!"

XLSX

Теперь кружок понтеров праздных
Вообразить прошу я вас,
Цвета их лиц разнообразных,
Блистанье их очков и глаз,
Потом усастого героя,
Который понтирует стоя;
Против него меж двух свечей
Огромный лоб, седых кудрей
Покрытый редкими клочками,
Улыбкой вытянутый рот
И две руки с колодой - вот
И вся картина перед вами,
Когда прибавим вдалеке
Жену на креслах в уголке.
Что в ней тогда происходило
Я не берусь вам объяснить:
Ее лицо изобразило
Так много мук, что, может быть,
Когда бы вы их разгадали,
Вы поневоле б зарыдали.
Но пусть участия слеза
Не отуманит вам глаза:
Смешно участие в человеке,

Который жил и знает свет.

Рассказы вымышленных бед

В чувствительном прошедшем веке

Не мало проливали слез...

Кто ж в этом выиграл – вопрос?

42

и

Недолго битва продолжалась;

Улан отчаянно играл;

Над стариком судьба смеялась

и жребий выпал... час настал...

Тогда Авдотья Николавна,

Встав с кресел, медленно и плавно

К столу в молчанье подошла

Но только цвет ее чела

Был страшно бледен; обомлела

Толпа, – все ждут чего-нибудь

Упреков, жалоб, слез – ничуть!

Она на мужа посмотрела

и бросила ему в лицо

Свое венчальное кольцо

ьп

и в обморок. Ее в охапку

Схватив – с добычей дорогой,

Забыв расчеты, саблю, шапку,

Улан отправился домой.

Поутру вестью забавной

Смущен был город благонравный.

Неделю целую спустя,

кто очень важно, кто шутя,

Об этом все распространялись;

Старик защитников нашел;

Улана проклял милый пол

За что, мы, право, не дознались.

Не зависть ли!.. Но нет, нет, нет;

Ух! я не выношу клевет!..

И вот конец печальной были;

Иль сказки – выражусь прямой.

Признайтесь, вы меня бранили?

Вы ждали действия? страстей?

Повсюду нынче ищут драмы,

Все просят крови – даже дамы.

43

А я, как робкий ученик,

Остановился в лучший миг;

Простым нервическим припадком

Неловко сцену заключил,

Соперников не помирил

И не поссорил их порядком...

Что ж делать! Вот вам мой рассказ,

Друзья; покамест будет с вас.

БЕГЛЕЦ

Горская легенда

Гарун бежал быстрее лани,

Быстрее, чем заяц от орла;

Бежал он в страхе с поля брани,

Где кровь черкесская текла;

Отец и два родные брата

За честь и вольность там легли,

И под пятой у супостата

Лежат их головы в пыли.

Их кровь течет и просит мщенья,

Гарун забыл свой долг и стыд;

Он растерял в пылу сраженья

Винтовку, шашку – и бежит!

И скрылся день; клубясь, туманы

Одели темные поляны

Широкой белой пеленой;

Пахнуло холодом с востока,
И над пустынею пророка
Встал тихо месяц золотой!..
Усталый, жаждою томимый,
С лица стирая кровь и пот,
Гарун меж скал аул родимый
При лунном свете узнает;
45

Подкрался он никем не зримый...
Кругом молчанье и покой,
С кровавой битвы невредимый
Лишь он один пришел домой;
И к сакле он спешит знакомой,
Там блещет свет, хозяин дома;
Скрепясь душой как только мог,
Гарун ступил через порог;
Селима звал он прежде другом,
Селим пришельца не узнал;
На ложе мучимый недугом,
Один, - он молча умирал...
"Велик аллах! от злой отравы
Он светлым ангелам своим
Велел беречь тебя для славы!"
"Что нового?" - спросил Селим,
Подняв слабеющие вежды,
И взор блеснул огнем надежды!..
И он привстал, и кровь бойца
Вновь разыгралась в час конца.
"Два дня мы бились в теснине;
Отец мой пал, и братья с ним;
И скрылся я один в пустыне,
Как зверь, преследуем, гоним,
С окровавленными ногами
От острых камней и кустов,

я шел безвестными тропами
По следу вепрей и волков;
Черкесы гибнут – враг повсюду.
Прими меня, мой старый друг;
И вот пророк! твоих услуг
я до могилы не забуду!.."

И умирающий в ответ:
"Ступай – достоин ты презренья.
Ни крова, ни благословенья
Здесь у меня для труса нет!.."

Стыда и тайной муки полный,
Без гнева вытерпев упрек,
Ступил опять Гарун безмолвный
За неприветливый порог,

46

И саклю новую минуя,
На миг остановился он,
И прежних дней летучий сон .
Вдруг обдал жаром поцелуя
Его холодное чело.

И стало сладко и светло
Его душе; во мраке ночи,
Казалось, пламенные очи
Блеснули ласково пред ним,
И он подумал: я любим, .
Она лишь мной живет и дышит...
И хочет он взойти – и слышит,
И слышит песню старины...
И стал Гарун бледней луны:
Месяц плывет
Тих и спокоен,
А юноша воин
На битву идет.
Ружье заряжает джигит,

А дева ему говорит:

Мой милый, смелее

Вверяйся ты року,

Молися востоку,

Будь верен пророку,

Будь славе вернее.

Своим изменивший

Изменой кровавой,

Врага не сразивши,

Погибнет без славы,

Дожди его ран не обмоют,

И звери костей не зароят. .

Месяц плывет

И тих и спокоен,

А юноша воин

На битву идет.

Главой поникнув, с быстротою

Гарун свой продолжает путь,

И крупная слеза порою

С ресницы падает на грудь...

47

Но вот от бури наклоненный

Пред ним родной белеет дом;

Надеждой снова ободренный,

Гарун стучится под окном.

Там, верно, теплые молитвы

Восходят к небу за него,

Старуха мать ждет сына с битвы,

Но ждет его не одного!..

"Мать, отвори! я странник бедн

я твой Гарун! твой младший сын;

Сквозь пули русские безвредно

Пришел к тебе!" "Один?" "Один!.."

"А где отец и братья?" "Пали!

Пророк их смерть благословил,
И ангелы их души взяли".
"Ты отомстил?" "Не отомстил...
Но я стрелой пустился в горы, .
Оставил меч в чужом краю,
Чтобы твои утешить взоры
И утереть слезу твою..."
"Молчи, молчи! гяур лукавой,
Ты умереть не мог со славой,
Так удались, живи один.
Твоим стыдом, беглец свободы,
Не омрачу я стары годы,
Ты раб и трус-и мне не сын!..."
Умолкло слово отверженья,
И все кругом объято сном.
Проклятья, стоны и моленья
Звучали долго под окном;
И наконец удар кинжала
Пресек несчастного позор...
И мать поутру увидала...
И хладно отвернула взор.
И труп, от праведных изгнанный,
Никто к кладбищу не отнес,
45
И кровь с его глубокой раны
Лизал, рыча, домашний пес;
Ребята малые ругались
Над хладным телом мертвеца,
В преданьях вольности остались
Позор и гибель беглеца.
Душа его от глаз пророка
Со страхом удалилась прочь;
И тень его в горах востока
Поныне бродит в темну ночь,

И под окном поутру рано
Он в сакли просится, стуча,
Но, внемля громкий стих корана,
Лежит опять под сень тумана,
Как прежде бегал от меча.

СКАЗКА ДЛЯ ДЕТЕЙ

Умчался век эпических поэм,
И повести в стихах пришли в упадок;
Поэты в том виновны не совсем
(Хотя у многих стих не вовсе гладок)
И публика не права между тем;
Кто виноват, кто прав – уж я не знаю,
А сам стихов давно я не читаю
Не потому, чтоб не любил стихов,
А так: смешно ж терять для звучных
строф Златое время... в нашем веке зрелом,
Известно вам, все заняты мы делом.
Стихов я не читаю – но люблю
Марать шутя бумаги лист летучий;
Свой стих за хвост отважно я ловлю;
я без ума от тройственных созвучий
И влажных рифм – как, например, на ю.
Вот почему пишу я эту сказку.

Ее волшебной темную завязку

Не стану я подробно объяснять,

71

чтоб кой-каких допросов избежать;
Зато конец не будет без морали,
чтобы ее хоть дети прочитали.
Герой известен, и не .нов предмет;
Тем лучше: устарело все, что ново!
Кипя огнем и силой юных лет,
я прежде пел про демона иного:
То был безумный, страстный, детский бред.

Бог знает где заветная тетрадка?
Касается ль душистая перчатка
Ее листов-и слышно: c'est jolі?.. '
Иль мышь над ней старается в пыли?..
Но этот черт совсем иного сорта
Аристократ и не похож на черта.
Перенестись теперь прошу сейчас
За мною в спальню – розовые шторы
Опущены – с трудом лишь может глаз
Следить ковра восточные узоры.
Приятный трепет вдруг объемлет вас,
И, девственным дыханьем напоенный,
Огнем в лицо вам пышет воздух сонный;
Вот ручка, вот плечо, и возле них
На кисее подушек кружевных
Рисуетя молодой, но строгий профиль...
И на него взирает Мефистофель.
То был ли сам великий Сатана,
Иль мелкий бес из самых нечиновных,
Которых дружба людям так нужна
Для тайных дел, семейных и любовных?
Не знаю. Если б им была дана
*это мило?.. (франц.)
Земная форма, по рогам и платью
Я мог бы сволочь различить со знатью;
Но дух – известно, что такое дух:
Жизнь, сила, чувство, зренье, голос, слух
И мысль – без тела – часто в видах разных;
(Бесов вообще рисуют безобразных).
Но я не так всегда воображал
Врага святых и чистых побуждений.
Мой юный ум, бывало, возмущал
Могучий образ. Меж иных видений,
Как царь, немой и гордый, он сиял

Такой волшебной сладкой красотой,
что было страшно... и душа тоскою
Сжималась – и этот дикий бред
Преследовал мой разум много лет...
Но я, расставшись с прочими мечтами,
И от него отделался – стихами.
Оружие отличное – врагам
Кидаете в лицо вы эпиграммой...
Вам насолить захочется ль друзьям?
Пустите в них поэмой или драмой!
Но полно, к делу. Я сказал уж вам,
Что в спальне той таился хитрый демон.
Невинным сном был тронут не совсем он.
Не мудрено-кипела в нем не кровь,
И понимал иначе он любовь;
И речь его коварных искушений
Была полна – ведь он недаром гений.
"Не знаешь ты, кто я, но уж давно
Читаю я в душе твоей, незримо,
Неслышно; говорю с тобою – но
Слова мои как тень проходят мимо
73

Ребяческого сердца – и оно
Дивится им спокойно и в молчанье.
Пускай. Зачем тебе мое название?
Ты с ужасом отвергнула б мою
Безумную любовь – но я люблю
По-своему... терпеть и ждать могу я,
Не надо мне ни ласк, ни поцелуя.
Когда ты спишь, о ангел мой земной,
И шибко бьется девственной кровью
Младая грудь под грезой ночной,
Знай, это я, склонившись к изголовью,
Любуюсь – и говорю с тобой.

И в тишине, наставник твой случайный,
Чудесные рассказываю тайны...

А много было взору моему
Доступно и понятно, потому
Что узами земными я не связан,
И вечностью и знанием наказан...

Тому назад еще немного лет
Я пролетал над сонною столицей.
Кидала ночь свой странный полусвет,
Румяный запад с новою денницей
На севере сливались, как привет
Свидания с молением разлуки;
Над городом таинственные звуки,
Как грешных снов нескромные слова,
Неясно раздавались – и Нева,
Меж кораблей сверкая на просторе,
Журча, с волной их уносила в море.
Задумчиво столбы дворцов немых
По берегам теснились как тени,
И в пене вод гранитных крылец их

74

Купались широкие ступени;
Минувших лет событий роковых
Волна следы смывала роковые;
И улыбались звезды голубые,
Глядя с высот на гордый прах земли,
Как будто мир достоин их любви,
Как будто им земля небес дороже...
И я тогда – я улыбнулся тоже.
И я кругом глубокий кинул взгляд
И увидал с невольною отрадой
Преступный сон под сению палат,
Корыстный труд пред тощею лампадой,
И страшных тайн везде печальный ряд;

я стал ловить блуждающие звуки,
Веселый смех-и крик последней муки:
То ликовал иль мучился порок!
В молитвах я подслушивал упрек,
В бреду любви - бесстыдное желанье!
Везде обман, безумство иль страданье.
Но близ Невы один старинный дом
Казался полн священной тишиною;
Все важностью наследственной в нем
И роскошью дышало вековую;
Украшен был он княжеским гербом;
Из мрамора волнистого колонны
Кругом теснились чинно, и балконы
Чугунные воздушною семьей
Меж них гордились дивною резьбой;
И окон ряд, всегда прозрачно-темных,
Манил, пугая, взор очей нескромных.
Пора была, боярская пора!

Теснилась знать в роскошные покои
Былая знать минувшего двора,

75

Забытых дел померкшие герои!
Музыкой тут гремели вечера,
В Неве дробился блеск высоких окон;
Напудренный мелькал и вился локон,
И часто ножка с красным каблучком
Давала знак условный под столом;
И старики в звездах и бриллиантах
Судили резко о тогдашних франтах...

15

Тот век прошел, и люди те прошли;
Сменили их другие; род старинный
Перевелся; в готической пыли
Портреты гордых бар, краса гостиной,

Забытые, тускнели; поросли
Дворы травой, и блеск сменив бывалый,
Сырая мгла и сумрак длинной залой
Спокойно завладели... тихий дом
Казался пуст; но жил хозяин в нем,
Старик худой и с виду величавый,
Озлобленный на новый век и нравы;
Он ростом был двенадцати вершков,
С домашними был строг неумолимо,
Всегда молчал; ходил до двух часов,
Обедал, спал... да иногда, томимый
Бессонницей, собранье острых слов
Перебирал или читал Вольтера;
Как быть? Сильна к преданьям в людях вера
Имел он дочь четырнадцати лет,
Но с ней видался редко; за обед
Она являлась в фартучке, с мадамой;
Сидела чинно и держалась прямо.

Всегда одна, запугана отцом
И англичанки строгостью небрежной,
Она росла, – как ландыш за стеклом
76

или скорей как бледный цвет подснежный.
Она была стройна, но с каждым днем
С ее лица сбегали жизни краски,
Задумчивей большие стали глазки;
Покинув книжку скучную, она
Охотнее садилась у окна,
И вдалеке мечты ее блуждали,
Пока ее играть не посылали.

18

Тогда она сходила в длинный зал,
По бегать в нем ей как-то страшно было;
И как-то странно детский шаг звучал

Между колонн. Разрытою могилой
Над юной жизнью воздух там дышал.
И в зеркалах являлись предметы
Длиннее и бесцветнее, одеты
Какой-то мертвой дымкою; и вдруг
Неясный шорох слышался вокруг:
То загремит, то снова тише, тише
(То были тени предков-или мыши).

19

И что ж? - она привыкла толковать
По-своему развалин говор странный,
И стала мысль горячая летать
Над бледною головкой и туманный,
Воздушный рой видений навевать.
Я с ней не разлучался. Детский лепет
Подслушивать, невинной груди трепет
Следить, ее дыханием с немой,
Мучительной и жадною тоской
Как жизнью упиваться... это было
Смешно! - но мне так ново и так мило!

20

Влюбился я. И точно хороша
Была не в шутку маленькая Нина.
Нет, никогда свинец карандаша
Рафаэля иль кисти Перуджина

77

Не начертали, пламенем дыша,
Подобный профиль... все ее движенья
Особого казались выраженья
Исполнены - но с самых детских дней
Ее глаза не изменяли ей,
Тая равно надежду, радость, горе,
И было темно в них, как в синем море.

21

я понял, что душа ее была
Из тех, которым рано все понятно.
Для мук и счастья, для добра и зла
В них пищи много – только не возвратно
Они идут, куда их повела
Случайность, без раскаянья, упреков
И жалобы – им в жизни нет уроков:
Их чувствам повторяться не дано...
Такие души я любил давно
Отыскивать по свету на свободе:
я сам ведь был немножко в этом роде.

22

Ее смущали странные мечты;
Порой она среди пустого зала
Сиянье, роскошь, музыку, цветы,
Толпу гостей и шум воображала;
Кипела кровь от душной тесноты,
На платъице чудесные узоры
Виднелись ей – и вот гремели шпоры,
К ней кавалер незримый подходил
И в мнимый вальс с собою уносил.
И вот она кружилась в вихре бала
И, утомясь, на кресла упадала...

23

И тут она, склонив лукавый взор
И выставив едва приметно ножку,
Двусмысленный и темный разговор
С ним завести старалась понемножку;
Сначала был он весел и остер,
А иногда и чересчур небрежен;
Ко под конец зато как мил и нежен...
Что делать ей? – притворно строгий взгляд
Его как гром отталкивал назад...
А сердце билось в ней так шибко, шибко,

и по устам змеилась улыбка.

24

Пред зеркалом, бывало, целый час
То волосы пригладит, то красивый
Цветок пришил к ним; движенью глаз,
Головке наклоненной вид ленивый
Придав, стоит... и учится; не раз
Хотелось мне совет ей дать лукавый,
По ум ее, и сметливый и здравый,
Отгадывал все мигом сам собой;
Так годы шли безмолвной чередой;
И вот настал тот возраст, о котором
Так полны ваши книги всяким вздором.

25

То был великий день: семнадцать лет!
Все, что досель таилось за решеткой,
Теперь надменно явится на свет!
Старик отец послал за старой теткой,
И съехались родные на совет;
Их затруднил удачный выбор бала:
Что, будет двор иль нет? Иных пугала
Застенчивость дикарки молодой,
Но очень тонко замечал другой,
Что это вид ей даст оригинальный;
Потом наряд осматривали бальный.

26

Но вот настал и вечер роковой.
Она с утра была как в лихорадке;
Поплакала немножко, золотой
Браслет сломала, в суетах перчатки
Разорвала... со страхом и тоской
Она в карету села и дорогой
Была полна мучительной тревогой
И, выходя, споткнулась на крыльце...

и с бледностью печальной на лице
Вступила в залу... Станный шепот встретил
Ее явление – свет ее заметил.
Кипел, сиял уж в полном блеске бал;
Тут было все, что называют светом;
Не я ему название это дал;
Хоть смысл глубокий есть в названье этом;
Моих друзей я тут бы не узнал;
Улыбки, лица лгали так искусно,
Что даже мне чуть-чуть не стало грустно;
Прислушаться хотел я – но едва
Ловил мой слух летучие слова,
Отрывки безыменных чувств и мнений
Эпиграфы неведомых творении!.."

ЧЕРКЕСЫ

Подобно племени Батыя,
Изменит прадедам Кавказ:
Забудет брани вещей глас,
Оставит стрелы боевые... ..
И к тем скалам, где крылись вы,
Подъедет путник без боязни,
И возвестят о вашей казни
Преданья темные молвы!..

А. Пушкин.

Уж в горах солнце исчезает,
В долинах всюду мертвый сон,
Заря, блистая, угасает,
Вдали гудит протяжный звон,
Покрыто мглой туманно поле,
Зарница блещет в небесах,
В долинах стад не видно боле,
Лишь серны скачут на холмах.
И серый волк бежит чрез горы;
Его свирепо блещут взоры.

В тени развесистых дубов
Влезает он в свою берлогу.
За ним бежит через дорогу
С ружьем охотник, пара псов
На сворах рвутся с нетерпенья;
Все тихо; и в глуши лесов
115

Не слышно жалобного пенья
Пустынной иволги; лишь там
Весенний ветерок играет,
Перелетая по кустам;
В глуши кукушка занывает;
И на дупле как тень сидит
Полночный ворон и кричит.
Меж диких скал крутит, сверкает
Подале Терек за горой;
Высокий берег подмывает,
Крутяся, пеною седой.

ii

Одето небо черной мглою,
В тумане месяц чуть блестит;
Лишь на сухих скалах травой
Полночный ветер шевелит.
На холмах маяки блистают;
Там стражи русские стоят;
Их копья острые блестят;
Друг друга громко окликают:
"Не спи, казак, во тьме ночной;
Чеченцы ходят за рекой!"
Но вот они стрелу пускают,
Взвилась! – и падает казак
С окровавленного кургана;
В очах его смертельный мрак:
Ему не зреть родного Дона,

Ни милых сердцу, ни семью:
Он жизнь окончил здесь свою.

Ш

В густом лесу видна поляна,
Чуть освещенная луной,
Мелькают, будто из тумана,
Огни на крепости большой.
Вдруг слышен шорох за кустами,
Въезжают несколько людей;
Обкинув все кругом очами,

116

Они слезают с лошадей. На каждом шашка, за плечами Ружье заряжено висит, Два
пистолета, борзы кони;

По бурке на седле лежит. Огонь черкесы зажигают, И все садятся тут кругом;
Привязанные к деревьям В лесу кони траву щипают, клубится дым, огонь трещит,
Кругом поляна вся блестит.

IT

Один черкес одет в кольчугу,
Из серебра его наряд,
Уздени вокруг него сидят;
Другие ж все лежат по лугу.
Иные чистят шашки остры
Иль наостряют стрелы быстры.
Кругом все тихо, все молчит.
Восстал вдруг князь и говорит:
"Черкесы, мой народ военный,
Готовы будьте всякий час,
На жертву смерти – смерти славной
Не всяк достоин здесь из вас.
Взгляните: в крепости высокой
В цепях, в тюрьме, мой брат сидит,
В печали, в скорби, одинокой,
Его спасу иль мне не жить.
Вчера я спал под хладной мглой
И вдруг увидел будто брата,

Что он стоял передо мной
И мне сказал: "Минуты трата,
И я погиб, - спаси меня";
Но призрак легкий вдруг сокрылся;
С сырой земли поднялся я;
Его спасти я устремился;
117
И вот ищу и ночь и день;
И призрак легкий не являлся
С тех пор, как брата бледна тень Меня звала, и я старался Его избавить от оков;
И я на смерть всегда готов!
Теперь, клянусь Магометом,
Клянусь, клянусь целым светом!..
Настал неизбежный час,
Для русских смерть или мученье
Иль мне взглянуть в последний раз
На ярко солнце восхожденье". У молкнул князь.
И все трикратно Повторили его слова:
"Погибнуть русским не возвратно
Иль с тела свалится глава".
Восток, алея, пламенеет,
И день заботливый светлеет.
Уже в селах кричит петух;
Уж месяц в облаке потух.
Денница, тихо поднимаясь,
Златит холмы и тихий бор;
И юный луч, со тьмой сражаясь,
Вдруг показался из-за гор.
Колосья в поле под серпами
Ложатся желтыми рядами.
Все утром дышит; ветерок
Играет в Тереке на волнах,
Вздымает зыблемый песок.
Свод неба синий тих и чист;

Прохлада с речки повеваает,
Прелестный запах юный лист
С весенней свежестью сливает.
Везде, кругом сгустился лес,
Повсюду тихое молчанье;
Струей, сквозь темный свод древес

п

Прокравшись, дневное сиянье
Верхи и корни золотит.

118

Лишь ветра тихим дуновеньем
Сорван листок летит, блестит,
Смущая тишину паденьем.
Но вот, приметя свет дневной,
Черкесы на коней садятся,
Быстрее стрел по лесу мчатся,
Как пчел неутомимый рой,
Сокрылися в тени густой.
О, если б ты, прекрасный день,
Гнал так же горесть, страх, смятенья,
Как гонишь ты ночную тень
И снов обманчивых виденья!
Заутрень в граде дальний звон
По роще ветром разнесен;
И на горе стоит высокой
Прекрасный град, там слышен громкий
Стук барабанов, и войска,
Закинув ружья на плеча,
Стоят на площади. И в параде
Народ весь в праздничном наряде
Идет из церкви. Стук карет,
Колясок, дрожек раздается;
На небе стая галок вьется;
Всяк в дом свой завтракать идет;

Там –тихо ставни растворяют;
Там по улице гуляют
Иль идут войско посмотреть
В большую крепость. Но чернеть
Уж стали тучи за горами,
И только яркими лучами
Блистало солнце с высоты;
И ветер бежал через кусты.

тш

Уж войско хочет расходиться ,
В большую крепость на горе;
Но топот слышен в тишине.

119

Вдали густая пыль клубится.
И видят, кто-то на коне
С оглядкой боязливой мчится.
Но вот он здесь уж, вот слезает;
К начальнику он подбегает
И говорит: "Погибель нам!
Вели готовиться войскам;
Черкесы мчатся за горами,
Нас было двое, и за нами
Они пустились на конях.
Меня объял внезапный страх;
Насилу я от них умчался;
Да конь хорош, а то б попался".

IX

Начальник всем полкам велел
Сбираться к бою, зазвенел
Набатный колокол; толпятся,
Мягутся, строятся, делятся;
Ворота крепости сперлись.
Иные вихрем понеслись
Остановить черкесску силу

Иль с славою вкусить могилу.
И видно зарево кругом;
Черкесы поле покрывают,
Ряды, как львы, перебегают;
Со звоном сшибся меч с мечом;
И разом храброго не стало.
Ядро во мраке прожужжало,
И целый ряд бесстрашных пал;
Но все смешались в дыме черном.
Здесь бурный конь с копьем вонзенным,
Вскочивши на дыбы, заржал,
Сквозь русские ряды несется,
Упал на землю, сильно рвется,
Покрывши всадника собой,
Повсюду слышен стон и вой.

120

Пушек гром везде грохочет;
А здесь изрубленный герой
Воззвать к дружине верной хочет;
И голос замер на устах.
Другой бежит на поле ратном;
Бежит, глотая пыль и прах;
Трикрat сверкнул мечом булатным,
И в воздухе недвижим меч;
Звеня, падет кольчуга с плеч;
Копье рамена прободает,
И хлещет кровь из них рекой.
Несчастный раны зажимает
Холодной, трепетной рукой.
Еще ружье свое он ищет;
Повсюду стук, и пули свищут;
Повсюду, слышен пушек вой;
Повсюду смерть и ужас мещет
В горах, и в долах, и в лесах;

Во граде жители трепещут;
И гул несется в небесах.
Иный черкеса поражает;
Бесплодно меч его сверкает.
Махнул еще; его рука,
Подъята вверх, окостенела.
Бежать хотел. Его нога
Дрожит недвижима, замлела;
Встает и пал. Но вот несется
На лошади черкес лихой
Сквозь ряд штыков; он сильно рвется
И держит меч над головой;
Он с казаком вступает в бой;
Их сабли остры ярко блещут;
Уж лук звенит, стрела трепещет;
Удар несется роковой.
Стрела блестит, свистит, мелькает
И вмиг казака убивает.
Но вдруг, толпою окружен,
Копьями острыми пронзен,
Князь сам от раны издыхает;
121
Падет с коня – и все бегут
И бранно поле оставляют.
Лишь ядры русские ревут
Над их, ужасно, головой.
Помалу тихнет шумный бой.
Лишь под горами пыль клубится.
Черкесы побежденны мчатся,
Преследуемы толпой
Сынов неустрашимых Дона,
Которых Рейн, Лоар и Рона
Видали на своих берегах,
Несут за ними смерть и страх.

XI

Утихло все: лишь изредка
Услышишь выстрел за горою;
Редко видно казака,
Несущегося прямо к бою,
И в стане русском уж покой.
Спасен и град, , и над рекой
Маяк блестит, и сторож бродит,
В округность быстрым оком смотрит
И на плече ружье несет.
Лишь только слышно: "кто идет",
Лишь громко "слушай" раздается;
Лишь только редко пронесется
Лихой казак чрез русский стан.
Лишь редко крикнет черный вран
Голодный, трупы пожирая;
Лишь изредка мелькнет, блистая,
Огонь в палатке у солдат.
И редко чуть блеснет булат,
Заржавый от крови в сраженье,
Иль крикнет вдруг в уединенье
Близ стана русский часовой;
Везде господствует покой.

ПРЕСТУПНИК

Повесть

"Скажи нам, атаман честной,
Как жил ты в стороне родной,
Чай, прежний жар в тебе и ныне
Не остывает от годов.
Здесь под дубочком ты в пустыне
Потетишь добрых молодцов!"
"Отец мой, век свой доживая,
Был на второй жене женат;
Она красотка молодая,

Он был и знатен и богат...
Перетерпевши лет удары,
Когда захочет сокол старый
Подругу молодую взять,
Так он не думает, не чует,
Что после будет проклинать.
Он все голубит, все милует;
К нему ласкается она,
Его хранит в минуту сна.
Но вдруг увидела другого,
Не старого, а молодого.
Лишь первая приходит ночь,
Она без всякого зазренья

154

Клевком лишит супруга зренья
И от гнезда уж мчится прочь!
Пиры, веселья забывая,
И злато струнное вино,
И дом, где, чашу наполняя,
Палило кровь мою оно,
Как часто я чело покоил
В коленях мачехи моей
И с нею вместе козни строил
Против отца, среди ночей.
Ее пронзительных лобзаний
Огонь впивал я в грудь свою.
Я помню ночь страстей, желаний,
Мольбы, угроз и заклинаний,
По слезы злобы только лью!..
Бог весть: меня она любила,
Иль это был притворный жар?
И мысль печально утаила,
Чтобы верней свершить удар?
Иль мнила, что она любима,

Порочной страстию дыша?
Кто знает: женская душа,
Как океан, неисследима!..
И дни летели. Час настал!
Уж греховодник в дни молодые,
Я, как пред казнию, дрожал.
Гремят проклятья роковые.
Я принужден, как некий тать,
Из дому отчего бежать.
О, сколько мук! потеря чести!
Любовь, и стыд, и нищета!
Вражда непримиримой мести
И гнев отца!.. за ворота
Бежал Ая> сирый, одинокий,
И, обратившись, бросил взор
С проклятием на дом высокий,
На тот пустой, унылый двор,
На пруд заглохший, сад широкий!.

155

В безумье мрачном и немом
желал, чтоб сжег небесный гром
И стол, - за коим я с друзьями
Пил чашу радости и нег,
И речки безыменной брег,
Всегда покрытый табунами,
Где принял он удар свинца,
И возвышенные стремнины,
И те коварные седины
Неумолимого отца;
И очи, очи неземные,
И грудь, и плечи молодые.,
И сладость тайную отрад,
И уст неизлечимый яд;
И ту зеленую аллею,

Где я в лобзаннях утопал;
И ложе то, где я... и с нею,
И с этой мачехой лежал!..
В лесах, изгнанник своевольный,
Двумя жидами принят я:
Один властями недовольный,
Купец, обманщик и судья;
Другой служитель Аарона,
Ревнитель древнего закона;
Алмазы прежде продавал,
Как я, изгнанник, беден стал.
Как я, искал по миру счастья,
Бродяга пасмурный, скупой
На деньги, на удар лихой,
На поцелуи сладострастья.
Но скрытен, недоверчив, глух
Для всяких просьб, как адский дух!..
Придет ли ночи мрак печальный,
Идем к дороге столбовой;
Там из страны проезжий дальный
Летит на тройке почтовой.
Раздастся выстрел. С быстротой
Свинец промчался непомерной.
Удар губительный и верный!..

156

С обезображенным лицом
Упал ящик! Помчались кони!..
И редко лишь удар погони
Их не застигнет за леском.
Раз - подозрительна, бледна,
Катилась на небе луна.
Вблизи дороги, перед нами,
Лежал застреленный прошлец;
О, как ужасен был мертвец,

С окровавленными глазами!
Смотрю... лицо знакомо мне
Кого ж при трепетной луне
я узнаю?... Великий боже!
я узнаю его... кого же?
кто сей погубленный прошлец?
Кому же роется могила?
На чьих седилах кровь застыла? О!.. други!..
Это мой отец!.. Я ослабел, упал на землю;
Когда ж потом очнулся, внемлю:
Стучат... Жидовский разговор.
Гляжу: сырой еще бугор,
Над ним лежит топор с лопатой,
и конь привязан под дубком,
и два жида считают золото
Перед разложенным костром!..
Промчались дни. На дно речное
Один товарищ мой нырнул.
С тех пор, как этот утонул,
Пошло житье-бытье плохое:
Приему не было в корчмах,
жить было негде. Отовсюду
Гоняли наглого Иуду.
В далеких дебрях и лесах
Мы укрывались. Без страха
Не мог я спать, мечтались мне:
157
Остроги, пытки в черном сне,
То петля гладная, то плаха!..
исчезли средства прокормленья,
Одно осталось: зажигать
Дома господские, селенья
и в суматохе пировать.
В заре снедающих пожаров

И дом родимый запылал;
Я весь горел и трепетал,
Как в шуме громовых ударов!
Вдруг вижу, раздраженный жид
Младую женщину тащит.
Ее ланиты обгорели
И шелк каштановых волос;
И очи полны, полны слез
На похитителя смотрели.
Я не слышал его угроз,
Я не слышал ее молений;
И уж в груди ее торчал
Кинжал, друзья мои, кинжал!..
Увы! дрожат ее колени,
Она бледнее стала тени,
И перси кровью облились,
И недосказанные пени
С уст посинелых пронеслись.
Пришло Иуде наказание:
Он в ту же самую весну
Повешен мною на сосну,
На пищу вранам. Состраданья
Последний год меня лишил.
Когда ж я снова посетил
Родные, мрачные стремнины,
Леса, и речки, и долины,
Столь крепко ведомые мне,
То я увидел на сосне:
Висит скелет полуистлевший,
Из глаз посыпался песок,
И коршун, тут же отлетевший,
Тащил руки его кусок...

158

Бегут года, умчалась младость

Остыли чувства, сердца радость
Прошла. Молчит в груди моей
Порыв болезненных страстей.
Одни холодные остатки:
Несчастной жизни отпечатки,
Любовь к свободе золотой,
Мне сохранил мой жребий чудный.
Старик преступный, безрассудный,
Я всем далек, я всем чужой.
Но жар подавленный очнется,
Когда за волюшку мою
В кругу удалых приведется,
Что чашу полную налью,
Поминки юности забвенной
Прославлю я и шум крамол;
И нож мой, нож окровавленный
Воткну, смеясь, в дубовый стол!.."

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://lermontovmikhail.ru/> Приятного чтения!
<http://buckshee.petimer.ru/> Форум Бакши buckshee. Спорт, авто, финансы,
недвижимость. Здоровый образ жизни.
<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет
магазин обуви Интернет магазин
<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных
сайтов. Интеграция, Хостинг.
<http://filosoff.org/> Философия, философы мира, философские течения. Биография
<http://dostoevskiyfyodor.ru/>
сайт <http://petimer.com/> Приятного чтения!